

Евфимий Суздальский, преподобный

Среди бедствий татарского ига и удельного нестроения, когда Русь стонала от войн, погромов и опустошений, когда язычник-монгол убивал и грабил на Руси христианина ради добычи и жестокости, а христиане-князья поднимали друг на друга братоубийственную руку и часто искали один на другого помощи у иноверных татарских ханов. Богу угодно было воздвигнуть русскому народу таких наставников и подвижников, как святитель Алексей, митрополит Московский, и преподобный Сергей, Радонежский чудотворец. Их молитвами, их советом и руководством строилась Русская земля, собираясь около Москвы и накапливая силы, чтобы нанести решительный удар врагу веры и родины и сбросить вековое иго татарских ханов.

В одно время со святыми Алексеем и Сергием жил и подвизался преподобный Евфимий, Суздальский чудотворец.

Родители святого Евфимия жили в Нижнем Новгороде, который, входя в состав Суздальского княжества, до середины XIV в. был лишь второстепенным пригородом Суздаля. Кто были родители святого и как их звали, остается неизвестным. Несомненно лишь одно, что это были люди благочестивые и богобоязненные, так как они дали своему сыну истинно христианское воспитание; а судя по тому, что они постарались доставить ему и

надлежащие образование, можно думать, что они обладали и некоторым достатком. Здесь, в Нижнем Новгороде, у них родился в 1316 году сын, которому впоследствии, при пострижении в инок, было дано имя Евфимия (мирское имя преподобного остается неизвестным). По преданию, он был крещен в Мироносицкой церкви. Окруженный любовью родителей, находясь под постоянным влиянием их благочестивой настроенности, святой Евфимий рос в христианских навыках, и уже с раннего детства в нем проявились исключительная любовь к Богу, стремление к подвигам благочестия и к религиозному самоуглублению. В заботах о воспитании отрока родители отдали его в учение книжное. С великою радостью мальчик, горячо любивший отца и мать, оказывавший им полное послушание, принялся за нелегкий в те времена труд изучения грамоты. Но все свое внимание и прилежание он отдал на изучение Божественного Писания и книг душеполезных.

Своим настроением он резко отличался от сверстников. Детские игры не привлекали его; среди товарищей он держался в стороне. Молчаливый и скромный, он был погружен в занятия над священными книгами. В молчании и внутреннем сосредоточии зрела его душа для высших подвигов благочестия.

Помимо чтения слова Божия, второй школой, воспитывавшей его в благочестивой настроенности, был Божий храм, куда святой Евфимий и из любви к

Богу, и из послушания богобоязненным своим родителям ходил очень часто.

Уединявшийся в школе, уединялся он и в храме. Встав в темном углу, где бы его не смущали суетные разговоры о вещах земных, погружался он в молитву и внимательно слушал чтение псалмов и апостольских писаний. Семя Божие падало на добрую почву. Еще юный возрастом, он глубоко воспринимает апостольское слово о том, что христианин навсегда должен остаться младенцем по своему незлобию, хотя уму его надлежит мужать, как пишет апостол Павел: Братие, не дети бывайте умы: но злобою младенствуйте, умы же совершенни бывайте (1 Кор. 14, 20). Молодость еще не позволяла ему вступить на путь суровых подвигов; но он жаждет самоотречения и жертв ради Христа. Его душу захватывают слышимые им в храме сказания о христианских мучениках, которые страдали за веру от язычников, мужественно исповедуя Христа перед мучителями. Его уму предносятся образы великих ветхозаветных пророков — тех, о ком апостол сказал, что они проидоша в милотех, и в козиих кожах, лишени, скорбяще, озлоблени: ихже не бе достоин (весь) мир, в пустынях скитающесе и в горах и в вертепах и в пропастех земных (Евр. 11, 37—38). Слышит он о святых людях, которые, ревнуя житию бесплотных духов, отказались от мира и его прелести, стали отшельниками, предались безмолвию и подвигами воздержания и благочестия, кротостью и незлобием улучили себе спасение; как они, ополчившись на брань с духами злобы, доблестно победили их и в

награду удостоились от Бога вечных благ. В юном и чистом сердце Евфимия разгорается ревность и теплота духовная, и он прилагает пост к посту, молитву к молитве и слезы к слезам.

Здесь же, в храме Божиим, созревает в нем и святое решение всецело отдать свою жизнь Богу. Однажды Евфимий пришел к литургии. Встав на своем обычном месте, слышит он чтение святого Евангелия: Иже бо аще хочет душу свою спасти, погубит ю: а иже погубит душу свою Мене ради и Евангелия, той спасет ю. Кая польза человеку, аще обрящет мир весь, и отщетит душу свою; или что даст человек измену на души своей (Мк. 8, 35—37).

С радостью воспринял святой отрок евангельское слово, сложил его в сердце своем, и падшее на добрую землю семя Божие принесло плод сторицею. Святой Евфимий возжелал взять на рамо крест Христов и, отказавшись от мира, искать спасения, по слову Господню: иже оставит дом, или братию, или сестры, или отца, или мать, или жену, или чада, или села имене Моего ради, сторицею примет, и живот вечный наследит (Мф. 19, 29).

Отречься от мира значило стать иноком. Святой Евфимий ищет иноческого подвига, жаждет постничества и суровых лишений. Ему нужен был духовный руководитель, который повел бы его правым путем. Ревностный отрок просит у Бога указания и помощи, и Господь услышал молитвы его.

В Нижний Новгород около 1330 года прибыл святой инок Дионисий (+1385; память 26 июня/9 июля). Здесь, в высоком гористом берегу Волги, выкопал он пещеру и начал вести богоугодную подвижническую жизнь. Слух о его благочестии и прозорливости быстро распространился по окрестностям. К нему стали приходиться благочестивые люди за советами и молитвой: вскоре собрались вокруг него и ученики. Около первоначальной пещеры образовался монастырь и был построен храм во имя Вознесения Господня. Богобоязненная жизнь иноков, мудрое правление настоятеля, его благочестие и прозорливость приобрели обители общее уважение и далекую известность. Много слышал о Печерской обители и об отце Дионисии святой Евфимий. И вот однажды, сам не отдавая себе отчета, куда он идет, руководимый только Божественной силой, Евфимий направился к Печерскому монастырю и здесь, по воле Божией, получил то, чего он так желал и к чему так стремился. Он пришел к старцу Дионисию, пал к его ногам и, орошая их слезами, не мог от слез ничего говорить. Старец поднял его и сказал: «Зачем, чадо, пришел сюда к нашей худости?» Отрок, встав с земли, отвечал: «Причти меня, отче, к святому твоему избранному стаду. Желая, преподобная и освященная главо, иноческое житие воспринять от Бога твоими молитвами, наставляемый тобою на путь спасения».

Преподобный Дионисий возблагодарил Бога, воздав Ему хвалу о Его неизреченном милосердии, подивился просьбе благоразумного отрока и ободрил его, похвалив его решение оставить мирскую,

скоропреходящую и тленную суету и нести на раменах своих легкое иго Христово.

Взяв отрока в отшельническую свою келлию, он вел с ним душеполезную беседу, наставляя его, а потом созвал свое духовное стадо и велел привести в собор отрока Евфимия. Здесь он и постриг его в иночество. Великою радостью исполнилось сердце Евфимия, и возблагодарил он Бога: «Благодарю Тебя, Господи Иисусе Христе, Боже спасения моего, яко сподобил мя еси худого и недостойного получитьи желаемое спасение».

Став иноком, преподобный Евфимий предался духовным трудам и подвигам. Он видел перед собой образец в своем настоятеле, старце Дионисии, который проводил время в непрерывной молитве, в постах, бдениях и всяческом воздержании, и который, однако, среди своих великих трудов, всегда сохранял кротость, спокойствие и приветливость.

Не щадя сил, преподобный Евфимий предается непрестанной молитве и суровому посту, умерщвляя свою плоть и порабощая ее Христу. В течение дня он покорно и старательно выполнял возлагаемые на него послушания, причем молитва и псалмы не сходили с его уст, не отделимые от них, как дыхание; ночью же удалялся в пещеру и в уединении возносил Богу со слезами горячие молитвы, часто в течение всей ночи не смыкая глаз. Удивительно было его воздержание в пище. Пост как будто доставлял ему наслаждение. Он просил преподобного Дионисия разрешить ему

вкушать пищу не ежедневно, а через два или три дня. Старец, сдерживая чрезмерное рвение отрока, не разрешил этого и повелел есть каждый день вместе со всей братией, хотя бы и не до сыта. Оказывавший настоятелю во всем великое послушание, Евфимий повиновался; но ел лишь столько, чтобы не умереть от голода. Иногда на трапезе он только делал вид, что вкушает пищу, поступая так затем, чтобы не обратить внимания братии на свое крайнее воздержание. Его питьем служила одна вода, и при том лишь тогда, когда он терпел особую жажду. Его ложем была голая земля; сон его был краток, а часто ночь проходила в молитве и вовсе без сна. Суровый зимний холод он переносил как тепло, и летний зной, как прохладу. Воистину он был жестоким врагом своей плоти; но изнуряя ее, он хотел возвысить, очистить и укрепить свою душу. Не считая достаточными пост, бдение, холод и зной, он возлагает на тело свое железные вериги. За кротость и смирение братья полюбили его, а его подвиги вызывали во всех удивление.

Он оказывал инокам обители помощь, какую мог, а к настоятелю хранил глубокое послушание. По распоряжению святого Дионисия преподобный Евфимий нес службу на пекарне, где носил воду и рубил дрова. Но и в черных работах он проявил старательность и внимание и сумел сделать их для себя назидательными. Переноса жар пылающей кухонной печи, преподобный говорил самому себе: «Терпи, Евфимий, огонь сей, да сим огнем возможешь избежать тамошнего».

В таких размышлениях, получил он от Бога великий дар умиления, так что без слез не мог даже вкушать испеченный им хлеб.

Много лет подвизался преподобный Евфимий в Печерской обители Нижнего Новгорода; но свыше ему суждено было перенести свою деятельность в другие места, более видные и более в те времена населенные и важные.

В первой половине XIV века город Суздаль, как уже говорилось, был столицей Суздальского княжества, в состав которого входили Нижний Новгород и Городец. Суздальские князья пользовались немалым влиянием и силой, так что в их руках оказывался и великокняжеский Владимирский стол. Если им приходилось подчиняться влиянию Москвы и отдавать по временам свои военные силы в распоряжение московских великих князей, то они уступали свою независимость не без борьбы, а князь суздальский Константин Васильевич счел за лучшее даже перенести в 1350 году свою столицу из Суздаля в Нижний Новгород, подальше от Москвы и ее властных правителей. Тем не менее Суздаль сохранил за собою свое важное и влиятельное положение, и князья не могли не проявлять своих забот о нем. Когда князь Константин перешел в Нижний, Суздаль, вероятно, остался в управлении его старшего сына Андрея. По смерти Константина в 1355 году Андрей стал великим князем нижегородским-суздальским. Он передал Суздаль своему второму брату Димитрию, который около 1360 года занял даже Владимирский

великокняжеский стол, хотя вскоре был изгнан московским великим князем Димитрием Иоанновичем Донским не только из Владимира, но и из Суздаля. О третьем брате Борисе известно, что он в 1356 году, получил в удел от брата Андрея город Городец на Волге, а по смерти Андрея в 1365 году пытался захватить великое княжение, которое должно было перейти к Димитрию; но Димитрий, с помощью Москвы, осилил брата, и Борис жил потом, до смерти Димитрия в 1383 году, в своем уделе в Городце. Заняв освободившееся в том же году Нижегородское княжение, Борис правил с перерывом, до 1392 года, когда Нижним овладел, с согласия хана Тохтамыша, московский князь Василий Димитриевич. Борис был заточен в Суздаль, где и умер. Тогда же Суздальско-Нижегородское княжество кончило свое независимое существование и подчинилось Москве.

Князь Борис Константинович оставил по себе добрую память своим благочестием и набожностью. С великим уважением относился он к иноческому чину и с готовностью жертвовал монастырям все для них нужное. Бывая в Нижнем Новгороде, он посещал Печерскую Вознесенскую обитель, приходил к преподобному Дионисию за благословением, подолгу вел с ним душеполезные беседы и удовлетворял нужды братии. Питая любовь к своему родному Суздалью и радея о его духовных пользах, князь Борис около 1351 года пришел к мысли создать там новый общежительный монастырь. На это дело он и испрашивал у преподобного Дионисия его благословения. В одну из бесед князь просил у святого

Дионисия благословения и содействия в устройстве общежительного монастыря в Суздале.

«Я имею сердечное желание, если поможет Бог по твоим молитвам, создать каменную церковь во имя Господа нашего Иисуса Христа, в честь Его честного и боголепного Преображения. Хочу и обитель духовную устроить, на упокоение братии, и общежительный монастырь. Благослови же меня, отче святой, и помолись Богу. И пошли мне из своей обители одного из твоих учеников, кто был бы благопотребен на то Божие дело, на создание храма Господня и на устройство монастыря». Дионисий отвечал: «Благочестивый княже! если мы желаем сделать доброе дело, то Господь Бог — помощник. Он и будет руководителем в твоём благе и спасительном начинании и направлять твои стопы идти непреткновенно на благочестие».

Сотворив молитву, Дионисий дал князю благословение и целование и отпустил с миром. Князь Борис, обрадованный сочувствием и молитвами преподобного, возвратился в Суздаль и немедленно стал готовить материал и все нужное для построек.

Исполняя просьбу князя, Дионисий делает выбор среди своих учеников; но при этом принимает решение послать их не только в Суздаль, а и в другие места для служения Церкви, утверждения веры и благочестия, распространения монашества. Созвав братию обители, он избирает среди нее 12 иноков, наиболее твердых и ревностных в делах благочестия.

Среди них были преподобный Евфимий, преподобный Макарий (память 25 июля/7 августа). Сотворив молитву и благословив учеников, Дионисий посылает их в верхние и нижние страны, куда каждому укажет Бог.

Послушные ученики с радостью отправились в путь по своему желанию. Только преподобный Евфимий получил поручение идти в точно указанное место, именно в Суздаль, к князю Борису. Он был еще молод, имея отроду около 36 лет, но богатый опытом настоятель усматривал в нем духовную зрелость, какая не всегда бывает и в преклонных летах. Тем не менее, сам преподобный Евфимий считал возлагаемое на него поручение свыше сил своих. Тяжело ему было расстаться и с своим духовным отцом, которого он много любил и в руководстве которого чувствовал нужду. И он пытается отклонить возлагаемое на него дело. На коленях и со слезами Евфимий умолял преподобного Дионисия: «Господине и отче, не оставь меня сирым; не отлучай меня от твоего преподобия, чтобы не быть мне пришельцем на чужой земле».

Дионисий отвечал: «Чадо о Христе духовное, Господня земля и что наполняет ее (Пс. 23, 1). Не впади же в ров преслушания, но будь послушен о Христе. Иди с Богом в путь свой, радуясь, а не скорбя. Если мы и разлучимся телом, то духом и молитвами будем неразлучны».

Так ободрял старец своего ученика и в утешение открыл ему, что Бог и его наградит даром

прозорливости. Ибо преподобный Дионисий сам обладал этим даром, теперь, созерцая грядущие судьбы Суздальско-Нижегородского княжества и самого Нижнего Новгорода, он с глубокой скорбью и слезами поведал Евфимию: «Ради грехов наших и за умножение беззаконий в грядущие времена, после нашего отшествия к Богу, будет запустение граду сему; а святым Божиим церквам и монастырям разорение от поганых и безбожных агарян». Заканчивая свое напутствие, Дионисий предупреждает преподобного Евфимия об ожидающей его в Суздале встрече.

«Итак, чадо, не унывай, а иди, и Бог будет тебе хранителем и помощником на всякое доброе дело. Когда же дойдешь до богоспасаемого града Суздаля и будешь в преславном храме Пресвятой Богородицы, то увидишь там священного епископа Суздальского». Вероятно, Дионисий успокаивал своего ученика тем, что его путешествие в Суздаль состоится по княжескому соизволению, и он может ожидать со стороны князя и епископа благосклонной встречи, покровительства и поддержки.

Простившись со своим духовным отцом, напутствуемый его благословением и молитвой, преподобный Евфимий отправился в путь. Бог хранил его в дороге, и его путешествие было благополучно.

Хотя прямой целью путешествия был Суздаль, однако святой Евфимий свято помнил тот завет, с каким преподобный Дионисий отпускал в путь своих

учеников. Поэтому еще по дороге в Суздаль он, в согласии с волей учителя, предпринимает построение храма и учреждение новой обители.

Не дойдя верст пять до города Гороховца, он встретил место, которое ему очень понравилось. Здесь было озеро, окруженное густым и диким бором, с непроходимыми чащами и прекрасными видами. В одном месте лесной берег полуостровом вдался в озеро. Здесь и решил преподобный Евфимий построить церковь во имя святого Василия Великого, епископа Кесарийского, а при церкви основать общежительный монастырь.

Прибыв, наконец, в Суздаль, Евфимий вошел, как говорил ему Дионисий, в храм Пресвятой Богородицы, встретил здесь владыку Суздальского, попросил у него благословение и, вероятно, сообщил, ради какого дела игумен Нижегородского Печерского монастыря отправил его в стольный город Суздаль. Епископ ласково его принял, ввел в свой дом и имел с ним продолжительную беседу. Вскоре прибыл отсутствовавший князь Борис Константинович.

Преподобный Евфимий явился к нему и был принят с великою честью и радостью, как давно жданный гость. Затем оба они, князь и преподобный, отправились к епископу, и здесь Борис Константинович передал владыке свои намерения.

Он рассказал о подвижнической жизни Дионисия Печерского, о полученном от него благословении на построение храма и обители, и указал в преподобном

Евфимии будущего настоятеля, избранного не волей князя, а указанием Печерского игумена. Епископ одобрил намерение князя: «То, что ты начал, княже, — сказал он, — делай без колебаний. Ты видишь доброе начало; будем ждать от Бога и благоприятного конца. Ты принял молитву и благословение прозорливого старца; а ныне он послал и благопослушного ученика, трудоположника Евфимия, способного, с Божьей помощью, начать дело, потрудиться над ним и закончить его».

Князь встал, поклонился епископу и попросил немедля идти выбрать с ним место для монастыря. Взяли они с собой преподобного Евфимия и двинулись к северу, вверх по реке Каменке, на которой стоит Суздаль. На берегу этой реки, неподалеку от города, они выбрали ровную возвышенность, с которой открывались приятные виды во все стороны.

Помолившись Богу об этом, они и решили быть здесь храму и обители. Весть очень скоро разнеслась по всему городу и привлекла множество народа. Собрались суздальские князья, бояре, духовенство, иноки и миряне. В присутствии этого многочисленного собрания епископ совершил молебствие, благословил место и прочитал освятительную молитву.

Потом водрузил крест там, где должен стоять престол, а князь приказал свозить камни и известь и тотчас начинать работы. Он сам своими руками

заложил храм. Взяв мотыгу, начал он рыть ров; ему помогали и присутствовавшие вельможи. Немедленно затем было положено основание, причем будущий храм был наречен в честь Преображения Господня, и стали строить стены. Преподобный Евфимий позаботился о приготовлении себе и места вечного упокоения. Испросив благословение у епископа, он собственными руками отесал три камня и устроил из них себе гробницу около стены, у северных врат, неподалеку от святого жертвенника, где впоследствии и было положено его многотрудное тело.

Построение храма шло успешно, с помощью Божией; рвением святого Евфимия храм вскоре был закончен. Это было в 1352 году. Своей красотой и благолепием храм вызывал изумление; его называли земным небом и его построению радовались не только жители Суздаля, но и всех окрестных земель. Князь Борис не пощадил средств на благоустройство, украсил его многочисленными и прекрасными иконами, снабдил богослужебными книгами и утварью и с великим торжеством храм был освящен епископом суздальским. Вскоре преподобный Евфимий, до сих пор бывший рядовым иноком, получает посвящение в диакона, потом в пресвитера и, наконец, поставляется архимандритом основываемого монастыря. При этом ему дается, как знак особой чести, право совершать службу с палицей, в митре и с рипидами; это преимущество сохраняется за настоятелями Спасо-Евфимиевой обители донныне.

Построение храма было лишь началом дела, возложенного на преподобного Евфимия. Нужно было строить самую обитель, поставить келлии для братии, необходимые хозяйственные постройки и ограду. На все это князь Борис дал новую богатую жертву. На его средства ревностный настоятель и создал потребные здания. Было воздвигнуто большое число келлий, и вскоре здесь, под руководством и управлением не старого летами, но богатого духовным опытом и славного своими подвигами настоятеля, собралось множество иноков. Если для создания храма и прочих строений нужно было золото и серебро, которые щедрою рукою и были даны набожным князем, то для духовного процветания вновь созданной обители требовались иные богатства, сокровища духовные — подвиги христианского благочестия и молитвы. Все это и принес обители ее преподобный настоятель, который созидал ее духовную силу слезами, трудами, беспрестанными подвигами, непрерывной молитвой. В течение дня он заботливо следил за делом строения; ночью же предавался бдению, стоя на молитве и проливая слезы.

И Бог благословил его святое начинание. Вскоре благочестивые люди увидели знамение, которое свидетельствовало о небесном покровительстве святому настоятелю и его монастырю.

Однажды в праздник Преображения Господня преподобный Евфимий пожелал, чтобы служба была совершена торжественным архиерейским служением. Взяв с собой несколько достойнейших иноков, он идет

к Суздальскому владыке и прилежно просит его отслужить в монастырском храме святую литургию. Владыка согласился. Братия торжественно встретили его, выйдя к нему на встречу из стен монастыря, к началу литургии в храм прибыл и князь Борис Константинович. Во время усердной молитвы благочестивому князю было видение. Среди священнослужителей, совершавших литургию, он усмотрел неизвестного мужа, принимавшего участие в службе, и вид этого мужа был необычен. Он возбуждал великий страх, так как лицо его сияло несказанным светом, и блеск его риз ослеплял зрение.

Пораженный князь по окончании службы улучил минуту наедине и, поклонившись преподобному, умолял его открыть, что значит виденное им. Не хотел говорить преподобный Евфимий о том. «Что мог ты, княже, видеть чудесного, когда я служил Божественную литургию с нашим владыкой, добрым пастырем словесных овец сего духовного двора, и когда с нами были лишь священноиноки сей обители, которых ты сам знаешь, и иного священника не было с нами?» Но князь продолжал умолять его. Тогда преподобный сказал: «Княже, если Господь Бог открыл тебе, могу ли утаить я? Кого ты видел, это — Ангел Господень, с которым я, недостойный, служу, по милости Божией, не только сегодня, но и всегда.

Но ты никому не рассказывай о видении, пока я жив». Ибо не любил святой Евфимий, что о его добрых делах знали другие, по своему крайнему смирению. Вот почему, когда его однажды спросили, какая

добродетель наивысшая, он отвечал: «Та, которая творится тайно».

Если же он открыл князю о видении Ангела Господня, то не по своей воле, а повинуюсь князю. Суздальский владыка, как и князь, с уважением относился к преподобному Евфимию, и оба они не отказывались от его гостеприимства. В тот же день Преображения Господня, когда было видение за литургией, преподобный Евфимий пригласил к себе князя и владыку на братскую трапезу, и они приняли приглашение. После трапезы собрание предалось душеполезной беседе, упросило владыку сказать наставление, и епископ говорил продолжительное назидание.

Обитель преподобного Евфимия разрасталась. Число братии увеличивалось, и являлась нужда в расширении обители. Преподобный Евфимий принял намерение создать еще большую новую церковь. Испросив благословение епископа, он приступает к построению теплого каменного храма, который был благополучно завершен и освящен во имя святого Иоанна, писателя Лествицы. К храму была пристроена каменная же трапеза, достаточно обширная, в которой братия могли бы собираться на духовные беседы, молитву и для трапезования. Под трапезой устроили и пекарню. На некоторое время теснота была устранена. Но жаждущих принять иноческий образ и вести жизнь в стенах обители под руководством святого Евфимия становилось все больше и больше. В конце концов число братии

достигло до трехсот, и недавно отстроенная каменная трапезная оказывалась уже недостаточно просторной. Требовались новые помещения, и ревностный настоятель приступает к построению третьего храма во имя святителя Николая чудотворца. Храм был деревянный, рядом с ним — обширная тоже деревянная трапезная с каменным погребом под нею. Никольская церковь получила название «больничной», очевидно потому, что при ней находились кельи для болеющих иноков, а также, вероятно и для посторонних. Теперь обитель была снабжена всем нужным и могла существовать безбедно. По преданию, святой Евфимий собственноручно выкопал колодезь, из которого снабжался его монастырь.

Заботы преподобного настоятеля никогда не ограничивались одним внешним благосостоянием обители. Еще больше внимания уделял он внутренней, духовной жизни братии и, как неусыпный страж, всегда наблюдал за поведением иноков и их преуспеянием в благочестии. Пастырь добрый, он верно пас свое стадо, не жалея своих трудов, и его ревностный надзор, мудрое руководство и собственный пример насадили в обители благочестие и укрепили благочиние. Безропотно братия оказывали послушания своему благочестивому и мудрому настоятелю, охотно исполняли монастырские работы, посещали богослужение и общие молитвы. Мир и любовь царили между иноками, они вели целомудренную и трезвую жизнь и свято соблюдали обет нестяжательности. Святой Евфимий строго

наблюдал, чтобы в обители не было частной собственности: в ней все было общим, все принадлежало всем, и строгая епитимия налагалась на того, кто пытался что-нибудь тайно удержать у себя, как личное имущество.

В храме, трапезной и келлиях наблюдался строгий порядок, тишина и благочиние. За богослужением иноки стояли каждый на своем месте, по установленному чину, не вступая ни с кем ни в какие разговоры, сохраняя молчание и творя молитвы и песнопения. За трапезой все сидели в том же строгом порядке, в полном молчании, так что слышно было лишь положенное чтение. Оттрапезовав и возблагодарив Бога, братия расходились по своим келлиям, но и здесь воздерживались от разговоров, занимаясь рукоделием и предаваясь богомыслию; лишь при крайней нужде разрешалось уходить в чужую келлию, чтобы видеться и говорить с другим братом. Если обитель процветала духовно, то потому, что преподобный настоятель сам являлся во всем образцом для своего духовного стада. Братия оказывали ему во всем полное послушание.

Обитель преподобного Евфимия, сиявшая богоугодной жизнью насельников, была тихим пристанищем для ищущих иноческого подвига, местом молитвы и училищем благочестия для жителей Суздаля и окрестных земель. Но Бог судил святому строителю основать и еще один монастырь в том же Суздале. Это было в 1364 году. Старший брат князя Бориса, Андрей Константинович, с 1355 года

бывший великим нижегородско-суздальским князем, не задолго до своей смерти (в 1365 году) возымел намерение построить новую обитель, во исполнение ранее данного им Богу обета. По какому поводу был дан обет, князь Андрей сам поведал о том Суздальскому епископу в одно из свиданий с ним.

Прибыв однажды к нему в епископский дом, он, после обычного благословения, молитвы и беседы, обратился к владыке с такою речью: «Святитель Божий! хочу просить у тебя одного одолжения, да дарует его мне твоя духовная любовь».

Епископ отвечал с готовностью: «Ничто не возбранно тебе».

«Хочу, — сказал князь, — чтобы ты дал мне благословение создать монастырь для инокинь».

И князь рассказал, как у него явилась мысль об этом.

«Случилось однажды со мною, что, когда мы плыли по Волге от Нижнего Новгорода, поднялся на реке сильный ветер, так что ладьи разбивались от великих волн, и всем угрожала неминуемая смерть. Тогда находившиеся в ладьях начали молить Бога, а с ними и я умолял Всесильного, чтобы Он избавил нас от угрожавшего бедствия. И дал я от себя обет Богу создать храм имени Пресвятой Бородицы, честного и славного Ее Покрова, и устроить монастырь на жилище и покой черноризицам. В тот же час волнение на реке прекратилось и наступила великая

тишина. Ныне приспело время, и я хочу исполнить свой обет». «Чего ты хочешь, и я не возбраняю», — сказал епископ. Князь продолжал: «Тогда пошлем за преподобным отцом Евфимием и попросим у него места по ту сторону реки Каменки на берегу, где было бы удобно создать монастырь».

Так и сделали. Преподобный пришел и, поклонившись епископу и князю, справился, зачем пригласили его. «У нас есть к тебе, боговозлюбленный, просьба, — ответили ему». Святой Евфимий сказал: «Нет ничего нашего в монастыре, что было бы возбранно вам, владыки мои». Князь и епископ изложили свою просьбу: «Дай нам небольшое место по ту сторону реки, где обитаешь ты, пастырь добрый, с иноками обители твоей, чтобы построить там монастырь».

И князь подробно рассказал преподобному о своем чудесном спасении от речной бури и о данном им обете. «Князь! Если будет Богу угодно, — ответил преподобный, — Он может совершить дело это. А если ты требуешь земли для создания монастыря, да будет благословенно то место».

Князь Андрей поклонился блаженному Евфимию и дал его обители большую милостыню. Вслед за тем было выбрано место близ монастыря святого Евфимия, на противоположном берегу реки Каменки, и приступили к основанию обители.

Построили деревянную церковь в честь Покрова Пресвятой Богородицы, келлии и стены.

Настоятельницей новой женской общины, очевидно, из уважения к святому Евфимию, епископ назначил инокиню Суздальского Александровского девичьего монастыря, родственницу святого Евфимия — его племянницу по сестре. Созданная под наблюдением преподобного Евфимия обитель оставалась, несомненно, и впоследствии под его надзором и руководством, тем более возможным и удобным, что настоятельница стояла в родственных отношениях к преподобному. Когда обитель была отстроена и в ней началась уставная иноческая жизнь, святой Евфимий, вместе с суздальским владыкой посещали ее для назиданий. В одно из посещений, после подробного осмотра монастыря, они убедились в его благолепии и благочестии обитательниц, и епископ, благословив обитель и инокинь, вознес за них Богу благодарственную молитву. Возвратившись к себе, Евфимий в беседе с братией и учениками предсказал, по дару данной ему от Бога прозорливости, будущую судьбу Покровского монастыря: «В грядущие дни, по нашем отшествии к Богу, распространится обитель Пресвятой Богородицы, честного и славного Ее Покрова, и будет славной во всех концах земли Русской». Так и сбылось, по слову преподобного прозорливца.

Сказания не сохранили нам известий о том, какое участие принимал преподобный Евфимий в тогдашних событиях русской жизни. Нельзя думать, чтобы он никак не отзывался на них. Пусть, преданный подвигам благочестия, молитве и заботам о спасении братии, он не имел ни времени, ни

склонности лично вмешиваться в дела внешние; но слишком велики и важны были события на Руси, чтобы можно было кому бы то ни было их не замечать. Господь испытывал Русскую землю непрерывными бедствиями. Сама природа восставала на человека. По временам бывали необычайные засухи, от которых гибла растительность и вымирал скот. От зноя густая мгла покрывала землю; днем в нескольких шагах не было видно человека; птицы не осмеливались летать в воздухе и стаями ходили по земле.

В том самом 1352 году, когда преподобный Евфимий впервые прибыл в Суздаль из Нижнего Новгорода, страшная язва поразила Русскую землю. Ужасы морового поветрия неописуемы. Люди гибли целыми семьями. Не успевали хоронить умирающих; города и села превращались в кладбища. В Новгороде и Пскове погибло 2/3 населения. Оставшиеся в живых бежали в леса. Многие спешили отречься от мира и принять постриг, чтобы умереть в иноческом сане. Поветрие распространилось по многим русским областям, достигло Москвы, Владимира, Нижнего Новгорода, Суздаля. В Глухове и Белозерске не осталось ни одного человека. Плач и стон стояли над Русской землей. Лет двенадцать спустя, в 1364 году, язва снова вспыхнула в Нижнем Новгороде и оттуда разошлась по многим местам. В Смоленске она повторилась трижды и, как свидетельствует летопись, в нем осталось в живых только пять человек, которые и ушли, затворив город, полный мертвых трупов.

То было время татарского ига. Русские князья должны были платить за себя и народ, тяжелую дань татарским ханам, от них получали грамоты (ярлыки) на обладание княжескими престолами, вынуждались указывать им почтение и повиновение. Требовалось много осторожности чтобы угодить грубым завоевателям. Но нередко ханы, или не довольствуясь тем, что приносилось им от поработанной Руси, раздражаемые сопротивлением русских князей, предпринимали губительные ходы. Так в 60-х и 70-х годах XIV века татары опустошили Городецкое княжество, Нижегородский край и дважды сожгли Нижний. Но как ни тяжело было монгольское иго, постепенно росла и крепла Русь, собираясь около Москвы. Пользуясь всяким случаем, московские князья стягивают уделы к Москве, а благодаря смутам, возникавшим в самой Орде между татарскими ханами, Москва собирает силы, чтобы нанести удар завоевателям. Когда в 1380 году хан Мамай с огромным войском двинулся, чтобы еще раз опустошить всю Русь, на призыв великого князя московского Димитрия Иоанновича вся Русская земля собралась под его знаменами. Ободряемый молитвами святителя Алексия, напутствуемый благословением святого Сергия Радонежского, князь Димитрий с русским воинством встретил татар, и в кровавой, но славной битве Куликовской монголам было нанесено тяжкое поражение, ослабившее силы Орды и открывшее впоследствии для Руси возможность к постепенному свержению татарского ига. Но и после Куликовской победы Русь много терпела от татар.

Спустя всего лишь два года, в 1382 году, хан Тохтамыш вторгся в Московские пределы, разорил Москву, Владимир и ряд других городов, ходил и на Суздаль. В 1395 году Руси грозило страшное нашествие хана Тамерлана, и заступлением Богоматери бедствие пронеслось мимо: Тамерлан с Дона неожиданно повернул на юг и оставил пределы России.

Казалось бы, что, в виду злого врага и для успешной борьбы с ним все русские области и города должны были всегда жить во взаимном согласии и действовать дружно, общими силами. Такое объединение иногда, действительно, бывало, как, например, в год Куликовской битвы. Но бывало оно редко. Обычно же удельные князья беспрестанно враждовали друг с другом и от усобиц тяжко страдала Русская земля, покрываясь кровью и пеплом пожаров. Суздальские князья Димитрий и Борис, по смерти своего брата Андрея Константиновича в 1365 году, ведут усобицу из-за Нижнего Новгорода. Захватив Нижний, Борис не уступает его Димитрию, и тщетно великий князь Димитрий Иоаннович требовал от братьев передать всю ссору на его суд. Лишь посланное из Москвы ополчение принудило Бориса уступить Димитрию Нижний и удовольствоваться Городцом. По смерти Димитрия Константиновича (в 1383 году) Борис находится во вражде со своими племянниками и кончает жизнь в изгнании. Московские князья, собирающие Русь, встречают противодействие со стороны как удельных князей, так и вольных городов. Симеон Гордый борется с

Новгородом; Димитрий Иоаннович (Донской) — с Димитрием Константиновичем Суздальским, при чем дело доходит до осады Суздаля московскими войсками, — затем с тверским князем Михаилом, который даже призывал на помощь себе против Москвы литовского великого князя Ольгерда. Бывало не раз, что во взаимной борьбе русские князья искали себе поддержки у ханов. Усобицы происходили так часто, что не проходило и года без того, чтобы где-нибудь не лилась кровь, не пылали пожары.

Даже в делах церковных нередко не доставало мира и согласия. Архиепископ Новгородский восставал на святого митрополита Алексия. По смерти митрополита Алексия (в 1378 году) князь Димитрий Иоаннович предназначил на митрополичью кафедру своего духовника, Спасского игумена Митяя, человека гордого и строгого. Не все хотели видеть Митяя на митрополии. Среди противников Митяя был и руководитель святого Евфимия, Дионисий Печерский, с 1374 года занимавший уже Суздальскую архиепископскую кафедру. Дионисий сам склонен был искать для себя митрополичьего сана и хотя по требованию великого князя дал обещание не ездить в Царьград добиваться поставления, уехал однако туда. Но на этот раз митрополии не получил. Когда отправленный князем в Царьград Митяй умер в дороге, митрополичий сан путем хитрости добыл спутник Митяя архимандрит Пимен. Впрочем московский князь не принял Пимена и отправил его в ссылку, а на митрополию вызвал из Киева Киприана, еще при жизни святого Алексия поставленного от

патриарха в митрополиты, но в свое время не признанного. По-видимому, архиепископ Дионисий некоторое время и теперь добивался митрополии и был в борьбе с Киприаном. Но митрополитом Дионисий стал лишь позднее, когда Киприан в 1382 году был лишен великим князем кафедры за то, что во время Тохтамыша оставил свою паству и бежал в Тверь. Избранный теперь на митрополию, Дионисий успел съездить в Царьград на поставление и получил его в 1384 году. На обратном пути он был однако задержан в Киеве, где вскоре и умер в заключении.

Таковы были главные события на Руси при жизни святого Евфимия. Они глубоко затрагивали русский народ, государство и Церковь, и даже такие подвижники и отшельники, как святой Сергей Радонежский, не могли уйти, устранившись от них, вынужденные принимать в них то или иное участие. Трудно думать, чтобы не приходил в соприкосновение с ними и преподобный Евфимий. Самый Суздаль был свидетелем и жертвой многих народных бедствий. Сюда заходила моровая язва; набегали сюда и татары. Суздальские князья, покровители и почитатели святого Евфимия, ведут упорную борьбу с Москвой за свою удельную независимость. Друг Евфимия, архиепископ Дионисий, не хочет видеть на митрополичьей кафедре Киприана и противодействует ему. Наконец, борьба с Мамаем и Куликовская битва должны были волновать сердце всякого русского человека.

Печальник народных злоключений, преподобный Евфимий в дни бедствий помогал страждущим своей благотворительностью, ободряющим словом и святой молитвой. В годину великой борьбы с врагами веры и Родины татарами, когда русские рати шли к полю Куликову, а оставшаяся дома Русь со слезами просила у Бога победы, вместе с молитвами святого митрополита Алексия и преподобного Сергия Радонежского к престолу Всевышнего возносились и горячие мольбы святого Евфимия. Огорчаясь нестроениями церковной и государственной жизни, преподобный Евфимий, несомненно, не принимал участия в тогдашних смутах. Правда преданность и дружба к Дионисию побудили его поддерживать своего духовного отца в исканиях им митрополичьего сана, и он высказывался против Киприана, некоторое время не признавая его митрополитом. Но от государственных неурядиц и междоусобиц он старался держаться в стороне. В положении святого Евфимия сделать это было не легко. Его сочувствие в борьбе суздальско-нижегородских князей с Москвой естественнее видеть на стороне первых. Евфимий был уроженец Нижнего Новгорода; там он вырос и начал свои иноческие подвиги. Второй его родиной стал Суздаль. Суздальско-нижегородские князья покровительствуют ему все время. Борис Константинович основывает Спасо-Преображенский монастырь, где святой Евфимий получает настоятельство; Андрей Константинович строит, под наблюдением Евфимия, Покровскую женскую обитель. Любовь к родине и чувство благодарности к

покровителям должны были бы сделать из Евфимия приверженца Суздаля и противника Москвы. Ни откуда, однако, не видно, чтобы он противодействовал Москве в пользу Суздаля, и нужно думать, что от удельных распрей он вообще стоял в стороне. Возможно и то, что он уже прозревал, каких благодетельных последствий для умирения и усиления Русской земли можно ожидать от возвышения Москвы и собирания уделов в ее руках. Здесь же могло сказаться и влияние преподобного Сергия Радонежского, с которым связывали Евфимия узы любви и взаимного уважения. Хотя расстояние между Суздалем и обителью Живоначальной Троицы не мало, однако святой Евфимий ходил к преподобному Сергию в его монастырь. Богатые духовным опытом, преподобные настоятели вели назидательные беседы о вопросах иноческого жития. Но едва ли беседы не переходили и на дела общенародные и государственные. Тогда то преподобный Сергий, радевший о строении и собирании земли около Москвы, и мог указать святому Евфимию на важность и благодетельность этого собирания.

Но если преподобный Евфимий и уделял некоторое внимание событиям общенародной жизни, то все же он прежде всего и больше всего был иноком, и потому вся его душа отдана была иноческим подвигам, молитве и постам, христианскому деланию, а также упорядочению жизни его обители.

Бог судил ему править монастырем целых 52 года, так что он дожил до глубокой старости; и за все это

время преподобный каждый день и каждый час жил лишь ради Бога. С юных лет возгорелась в его душе любовь ко Христу и по смерти его горела немеркнувшим пламенем. Ради Христа он оставил мир с его чувственными прелестями и суетой, избрал тесный путь спасения и, взяв на рамена иго Христово, мужественно нес его до конца.

Непреклонный враг своей плоти, он изнурил ее суровым воздержанием, бдением, сухоядением, безмолвием, молитвами, трудами, послушанием и памятованием о смерти. Это было воистину жестокое житие и для тела его добровольное мучение. За всю свою долгую подвижническую жизнь святой Евфимий никогда не изменил своего правила молитвенного. Тяжкий пост, которому преподобный предавался, казалось, должен был обессилить его. Но он лишь укреплял его душу, искоренял телесные страсти, отгонял наветы лукавого. Изможденную постом плоть свою подвижник предавал зною и стуже.

Подобно нищему, зимой и летом он носил одну и ту же одежду, сшитую из грубых овчин. Зимой она не спасала от холода, летом преподобный терпел от нее жар. Постом, трудами и молитвой святой Евфимий снискал великую чистоту для своей души, и духовный свет озарил ее. Его мысли всегда возносились к небу; его просветленный ум, созерцавший Бога, стал как бы жилищем Святой Троицы, а его сердце воистину было причастно Духу Святому. Сосуд избранный, победоносный воин Христов, ревновавший житию ангельскому, преподобный Евфимий возшел на

высоту святости. Но еще выше было его смирение. Самой великой добродетелью он считал ту, которая совершалась втайне. Свои собственные подвиги поста он старался утаить даже от близких; и лишь против своей воли открыл он князю Борису о сослужении ему Ангела.

Жестокий к своей плоти, суровый к себе, преподобный Евфимий был милосерд к ближнему. Его обитель, расположившаяся около большого и населенного города, как бы нарочно поместилась на распутии, среди проезжих дорог, около человеческих жилищ, чтобы быть всем доступной. Врата ее были открыты для всех нуждающихся; ее преподобный настоятель был скор на помощь всем, кто ее требовал. Странник находил у него приют, нищий — подавание, голодный — пропитание, нагой — одежду, печальный — утешение, обидимый — покров, бедный — помощь, больной — пристанище и лечение, сирота и вдовица — защиту. Ради дел милосердия преподобный Евфимий не щадил средств, какими обладала обитель. Его щедрость некоторым казалась расточительностью, и он понуждался благотворить тайно, чтобы не вызвать ропота братии и тем не ввести ее в искушение. Он выкупал должников, не имевших средств откупиться от займодавцев, и часто прощал свои собственные долги. Во дни народных бедствий его благотворительность была еще шире, еще неистощимей. Неустанный учитель милосердия и правды, он обличал злонравие. Злые судьи боялись его, и одним своим словом он избавлял от насилия несправедливо осужденных.

Но всякий грешник, искавший спасения, находил в нем наставника к покаянию. Для своих духовных чад, иноков обители своей, он был мудрым руководителем, являясь в своей богоугодной жизни примером для них и правилом. Он учил их презирать все земное, возлюбить смирение, искать сокровище чистоты и целомудрия. Как мудрый и добрый пастырь, он вел свое стадо к немутному источнику бесстрастия, на чистую пажить воздержания. И братия с любовью и послушанием шли за своим духовным отцом.

Богоугодная подвижническая жизнь святого Евфимия была награждена от Господа даром прозорливости и чудес: своими молитвами он исцелял больных; его запрещения трепетали бесы.

Продлив дни своего угодника, Бог послал ему тихую кончину. Дожив до маститой старости и украсившись сединами, преподобный Евфимий был по-прежнему крепок духом, но тело уже немоществовало. Поняв, что приближается кончина его, он призывает к себе всю братию обители. Видя своего духовного отца столь слабым и близким к смерти, братия преисполнились скорби и рыданий, готовые, если бы можно было, умереть вместе с Евфимием, по великой любви к нему. Некоторые из учеников, опасаясь за будущую судьбу обители, говорили старцу: «Вот, отче, ты оставляешь нас сырыми и отходишь к Господу. И когда тебя не будет с нами, оскудеет место сие». «Не скорбите обо мне, — ответил преподобный, но знайте: если я приобрету некоторое дерзновение перед Богом и делание мое угодно будет Ему, то не только не

оскудеет место это, но по кончине моей распространится еще более, если только будете иметь любовь между собою».

Братия не могли удержаться от умиленных рыданий. Утешая их, святой продолжал: «Не скорбите же в день упокоения моего. Уже время мне почить о Господе. А вас я предаю Богу, и да сохранит Он вас от всякого уловления вражия».

Многое и другое говорил он в утешение и ободрение. Но час кончины его приближался. Видя это, братия подходят к нему, целуют его, и каждый со слезами просит у него последнего благословения. А он, как любящий отец, всех лобызал, ласкал, всем давал последнее благословение, но и сам у всех просил прощения. Перед самой кончиной приобщившись Святых Таин, он предал святую свою блаженную душу Господу Богу, Которого так возлюбил от ранней юности. Келлия его наполнилась благоуханием. Изможденное многолетними постами тело его было светлее, чем у живого; казалось, что преподобный не умер, но спит. В скорби и слезах осиротелая обитель готовилась к погребению своего духовного отца и пастыря. Возложив тело на одр, иноки на своих главах внесли его в храм с подобающей честью в сопровождении всей братии и, отпев, погребли под стеною Преображенской церкви, в том гробе, который при основании храма преподобный заложил собственными руками. Скончался святой Евфимий 88 лет от роду, 1 апреля 1404 года.

Но, оставив земную жизнь, преподобный Евфимий не оставил без покровительства свою обитель. Об этом свидетельствовали совершавшиеся у его гробницы чудеса, а сто с небольшим лет спустя после его смерти обитель была утешена обретением его нетленных мощей. Это случилось при архимандрите Кирилле. Кирилл был муж рассудительный в иноческих и мирских делах и впоследствии занимал Ростовскую архиепископскую кафедру. С великою ревностью заботился он о поддержании благоустройства монастырского.

И пришла ему благая мысль: перестроить старый каменный храм во имя Преображения Господня, основанный еще святым Евфимием. Посоветовался архимандрит с братией, и нашли они, что прежний храм и ветх, и тесен. Решили, с помощью Божией, воздвигнуть церковь больших размеров. Приступили к работам и, когда копали ров с правой стороны, нашли гроб, обложенный тремя камнями и покрытый сверху досками. Рабочие сообщили об этом настоятелю.

Архимандрит Кирилл повелел ударить в било, и собрались братия, радуясь великой радостью. Настоятель же поспешил к епископу Нифонту и рассказал о случившемся. Епископ прославил премудрость и милость Божию и, прибыв в монастырь с собором духовенства и иноков, поклонился гробу блаженного. Воздав хвалу Богу, прославляющему преподобных Своих, открыли гроб и увидели лицо святого Евфимия. Оно было светло; тело

нисколько не изменилось, а одежды были как будто вчера надеты. Облобызав мощи, снова покрыли гроб досками и, совершив отпевание, поставили в храме Преображения у стены, на том месте, где они почивают и теперь, устроив над гробом каменную раку. Это было 4 июля 1507 года. Новый каменный храм отстроен и освящен в 1511 году, при державе великого князя Василия Иоанновича. Обретение мощей преподобного Евфимия положило начало его церковному прославлению.

Господь прославил Своего угодника преподобного Евфимия даром чудес.

В конце XV столетия архимандритом Суздальской Евфимиевой обители был также Евфимий, по прозвищу Подрез. Постриженник чужой обители (Иосифо-Волоколамской), этот архимандрит отличался дурным характером и нравом: «жил не по Боге», говорил жизнеописатель преподобного, нарушил монастырский устав, как наемник не радел о подчиненной братии; монастырь представлял тогда печальное зрелище: архимандрит всех братий бил, бранил, хулил, превозносил одного себя. Христороубцы, наблюдая все происходящее в обители, оставили ее — усердие и щедрость их ослабели. Наконец, Евфимий решился на позорное преступление: выкрал монастырские деньги, одежды и книги и ночью тайно от всех бежал. Но прп. Евфимий наказал святотатца и разорителя своей обители. Недалеко отошел вор от монастыря и скрылся, но на него напал тяжкий сон и расслабление

до такой степени, что он не мог двинуться. Между тем в ту же ночь чудотворец явился нескольким братьям обители и указал, где находится их архимандрит. Братия удивились, пошли к его келлии и не нашли его, тогда бросились к открытому в сновидении месту и нашли архимандрита Евфимия с награбленным имуществом в сильной лихорадке и полном расслаблении. Страх и ужас напали на виновного, он трепетал от позора, болезни и ожидаемого наказания. Во всем повинился он братии и просил у них прощения. Его привели в монастырь, к раке святого, и недавний грозный начальник смиренно, во всеуслышание, каялся в своих грехах от рождения, прося у преподобного Евфимия прощения и исцеления. Это происходило перед литургией, когда в церковь сошлись уже братия и миряне. И как только диакон начал читать Евангелие, архимандрит Евфимий получил полное исцеление. После того он вернулся на место своего пострижения — в обитель преподобного Иосифа Волоколамского. В 1501 году, при архимандрите Константине произошел пожар всего монастыря. Это несчастье сильно угнетало начальника обители мыслью, что святой Евфимий покарал монастырь за какое-нибудь нарушение устава, завещанного угодником Божиим. Но один инок успокоил Константина рассказом, что видел во сне явление преподобного, поведавшего о полной неповинности архимандрита. Слышав это, повеселел сердцем архимандрит и бодро возводил постройку келлии на деньги доброхотных дателей на погорелую обитель. В этих трудах и заботах он и скончался.

Его место заступил архимандрит Кирилл, бывший иноком в той же обители прп. Евфимия. При нем последовало открытие мощей преподобного. По обретении мощей преподобного Евфимия чудеса полились еще обильнее.

К раке его приведен был боярин именем Афанасий, одержимый бесом. Больной много говорил неподобного. Архимандрит с братией молились за бесновавшегося, он исцелился и стал разумен, как и до болезни. Благодарный боярин постригся в иночество под именем Аврамия.

Был еще и другой бесноватый боярин, новгородец. С исцелением его пришлось преодолеть большое затруднение. Больной приходил в необыкновенно буйственное состояние от представлявшихся ему многих бесов, которые бросались на него с копьями всякий раз, как больного подводили к раке святого. Никакая сила не могла сдержать страдавшего: он вырывался и выбегал из храма. Порою и сам больной молился словами: «Господи, помилуй меня; и помогите мне, святые чудотворцы», — но тогда еще сильнее нападали на него бесы. И вот однажды, когда его стали подводить к раке святого, внезапно засиял свет над гробом преподобного и больному предстало явление святителя Николая Чудотворца вместе с преподобным Евфимием: у раки был чудотворный образ святителя Николая. Этот свет, озаривший раку святого, рассеял нападавших бесов, и больному слышался голос: «Человече, оставляются тебе грехи», — и повелевалось этим голосом войти в церковь за

литургией и принять исцеление. Только тогда больному удалось припасть к раке с горячей молитвой к своим заступникам — преподобному Евфимию и святителю Николаю, и больной удостоился полного исцеления. Пробыв несколько дней с благодарственной молитвой в монастыре, боярин, дав вклад свой, возвратился домой совсем здоровым.

Еще было чудо с исцелением отрока Иоанна, принесенного на одре расслабленным. Больной страдал уже три года и по молитвам преподобного возвратился домой исцеленным.

В монастыре преподобного Евфимия был келарь Киприан. Он впал в такую гордыню, что не стеснялся в злонравии своем и оскорблял всю братию, пищу в братской трапезе довел до оскудения, а всю свою келарскую службу обратил на своих гостей, тогда как, по завету преподобного Евфимия, гости пользовались трапезой наравне и заодно с братией, и трапеза полагалась непременно общей всем за исключением особых случайностей, требовавших обособления по нужде. Поднялось возмущение в братии. Не стал того больше терпеть преподобный и явился келарю в грозном видении, с жезлом в одной руке и зажженной свечей в другой. Келарь, объят страхом, обещал исправиться. Но наутро, когда пришел в себя от страха, решил, что все это было пустым мечтанием ума и продолжал свой злой обычай. Тогда преподобный покарал Киприана болезнью, от которой расслабли все члены его тела. И, придя в покаяние, взмолился келарь, чтобы несли его к раке

преподобного. Там горячо молился он, пока не был исцелен святым. Старец Патрикий рассказал следующее чудо над ним, когда он был еще мирянином, пребывая в обители святого и служа на потребу братии. Случилось ему простудиться и получить лихорадку. И стал не в состоянии Петр (мирское имя Патрикия) служить братии монастыря. Он был монастырским рыболовом и, как старший, распоряжался всей дружиной рыболовов — в приписанном к обители св. Евфимия Гороховецком монастыре святого Василия Кесарийского на Клязьме. Рыбная ловля была важнейшей доходной статьей в монастыре, и Петр со своей дружиной был очень нужный человек. Преподобный явился ему в видении, осенил его крестом и сказал: «Не сетуй, чадо Петре, не скорби, но будь здоров и держи ряд службы своей». Проснувшись, Петр чувствовал себя здоровым и больше не занемогал». Был еще человек, радевший монастырю преподобного Евфимия и живший в одном селе, под Суздалем. Звали его Симеоном. Имел он несчастье помешаться в уме: бесы являлись ему и повергали в неописанный ужас. Друзья больного привели его в обитель к чудотворной раке преподобного. Пели молебны. Точно благодать вселилась в сердце больного. И стал он по-прежнему здоров.

Боярин Димитрий Перепечин имел сильную веру к преподобному. Вдруг как-то нашло на боярина, и он сошел с ума. И до того обезумел, что не узнавал никого из своих семейных, не мог распознаваться в доме своем, когда ему нужно куда-либо идти. К тому

же и бесы страшили его в привидении. Приятели боярина отправили его с отроками в обитель преподобного Евфимия. Больного сдали монастырским старцам, которые и приставили к нему Сильвестра, дивного старца по своим добрым делам и много лет проживавшего в обители. Старец наблюдал, чтобы больного ежедневно приводили к чудотворной раке преподобного. Бились немало с исступленным; он приходил в такое неистовство, что рвал даже путы, которыми связывали его, вырывался и убегал из церкви. В одну из церковных служб больной вдруг пришел в себя, проливал реки слез, горячо молился святому и благодарил за исцеление. Житель одного селения жестоко заболел: лихорадка напала на него и трясла шесть месяцев, так что ждали его кончины. Но он имел веру в целебную силу медового кваса, приготовлявшегося в монастыре преподобного Евфимия.

В большую славу вошел этот медовый квас чудотворца, так как пившие его исцелялись от различных недугов. И послал, наконец, страдавший своего брата за медовым квасом чудотворца Евфимия. Прибыв в монастырь, брат отслужил за болящего молебны, взял целительный квас и отправился с ним обратно к больному. На дороге бес попутал брата: квас он выпил сам, а к больному решил позвать кудесников, врачующих болезни. От кваса брат впал в исступление. И явился ему некто белоризец в шапке, с седой бородой, упрекал его в поступке и настаивал на покаянии в обители. Брат вернулся в обитель, покаялся, стал опять здоров умом

и привез больному медовый квас. Больной по молитве к преподобному выпил квас медовый, и привиделось ему, как будто стоит он в обители, у раки святого Евфимия, и светолепный белоризец в шапке положил руку на главу ему и говорит: «Не сетуй, не скорби, человече, что потрудился ты в немощи своей и от сего часа будь здоров, по вере твоей». Очнувшись, больной стал чувствовать себя совершенно здоровым.

Был в Стародубе-Ряполовском некий князь, именем Василий Кривоборский. Разжигаемый бесом, он был гневен и всей силой своего гнева обрушился на монастырь прп. Евфимия. Одно из монастырских владений было смежным с вотчиной князя Василия, и князь заповедал своим слугам чинить всякие обиды монастырскому владению. Насилиям и разным пакостям монастырским селянам, всевозможным пререканиям с монастырем не было и конца от княжеских слуг. Сам же князь, как зверь рыкающий, пришел в обитель святого Евфимия и, преисполненный ярости, с угрозами напал на архимандрита Иова с братией, никого не щадя из них. Однако, справив молебны и приложившись к раке преподобного, ушел из обители, в чрезмерной гордости своей похваляясь в большую нужду привести обитель. Архимандрит с братией прилежно молились преподобному защитить свой монастырь от княжеской ярости, и молитвам их скоро внял чудотворец. На пути из монастыря в свою вотчину, при наступлении ночи впал князь в лютую болезнь: необыкновенный жар вступил в тело князя, все члены

его расслабли, так что заболевший лежал пластом, и ужас обуял его душу.

Едва успели слуги помочь князю Василию добраться ночью до некоторого селения, принадлежащего епископу Суздальскому, под названием Павловское, верстах в семи от города и обители. Князя устроили там на одре в одном из домов селения совсем уже в исступлении, вне себя. И явился ему в видении старец и страшно грозился обидчику монастыря — лютой смертью, если он не вернется к раке святого с покаянием и смирением. Придя в себя, стал князь в стенании и рыдании метаться и приказал слугам нести его в обитель в ту же ночь. В обитель принесли его совсем без памяти. Благоговейный архимандрит Иов, священноиноки и старцы молитвой своей за больного добились, наконец, того, что князь пришел в себя, вернулись его силы телесные. Приложившись к чудотворной раке святого, он стал совсем здоров и покаялся перед всеми в своем окаянстве, восхваляя чудесную силу преподобного. Получив прощение от архимандрита и братии, князь Василий обещал помогать обители и, сделав вклад в монастырь, примиренный, отправился восвояси.

Чудеса преподобного Евфимия послужили основанием для местного почитания его. Обретение нетленных мощей в 1507 году было началом его церковного прославления. Во второй четверти XVI века инок Спасо-Евфимиева монастыря Григорий составил житие и службу преподобному. На

Московском Соборе 1549 года это прославление угодника Божия было закреплено высшей церковной властью. В настоящее время празднование преподобному Евфимию Суздальскому общецерковное.

Неложным оказалось слово святого Евфимия, что не оскудеет обитель его. Вот уже более пяти с половиной веков существует она. Прославленная еще при жизни своего основателя, по смерти его обитель стала глубоко чтимою святыней всего Суздальского края. Князья суздальские, их потомки, как и частные лица щедро одаряли ее вотчинами, вкладами и деньгами; московские государи покровительствовали ей. Обитель процветала и к концу XVI века была одним из богатейших русских монастырей. Выпадали на ее долю и невзгоды. В 1445 году у стен ее произошла битва русских с татарами, окончившаяся тяжким поражением русской рати и пленом великого князя Василия Васильевича Темного. Победители два дня пировали в монастыре и при уходе разграбили его. Еще больший разгром потерпела обитель в Смутное время, в начале XVII века. При царе Василии Иоанновиче Шуйском и втором самозванце Суздаем овладели польско-литовские отряды пана Лисовского, и Евфимиев монастырь был превращен паном Лисовским в укрепленный лагерь. Поляки и литовцы за время пребывания в Суздае не только опустошили монастырь, но разграбили и монастырские вотчины. С концом Смуты монастырь опять достигает благосостояния.

Основанная в то время, когда Русь вела тяжкую борьбу с татарами за свое существование, и содействовавшая тогда молитвами своего святого основателя победе родины над ее врагами, обитель преподобного Евфимия оказала Русской земле духовную поддержку и в другую опасную для Русского государства пору. Это бы на исходе тех Смутных лет, в течение которых обитель пострадала от отряда Лисовского. Когда в 1612 году Нижегородское земское ополчение двигалось к Москве спасать столицу и родину от поляков и самозванцев, главный вождь этого ополчения, князь Димитрий Михайлович Пожарский, благоговевший к памяти святого Евфимия, возымел намерение помолиться у гроба преподобного. Во время переходов от Ярославля к Ростову Димитрий Михайлович, поручив временно войско князю Хованскому и Косме Минину, направился в Суздаль просить благословения и помощи у Бога и Его святого угодника на начатое им великое дело спасения отечества. Укрепленный молитвой и заступлением преподобного Евфимия, князь Пожарский вернулся к ополчению и продолжал поход, спасший Россию. Воистину святой Евфимий — «второй Сергей», как говорится в службе ему.

Князь Димитрий Пожарский скончался в 1642 году и был погребен в Спасо-Евфимиевом монастыре, в родовой усыпальнице князей Пожарских и Хованских, находящейся около алтаря того Преображенского собора, в котором почивают мощи святого Евфимия.

